

© 2013 г.

В.О. ПЕЧАТНОВ

НА ИЗЛЕТЕ “ВЕЛИКОГО АЛЬЯНСА”: СТАЛИН, ТРУМЭН И ЧЕРЧИЛЛЬ В КОНЦЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ПО НОВЫМ ДОКУМЕНТАМ)

Период от окончания войны в Европе до начала Потсдамской конференции был насыщен яркими событиями и имел немалое значение для распада “Великого альянса”, когда сотрудничество трех великих держав стало сопровождаться растущими противоречиями между ними по проблемам послевоенного устройства. Этот критический период давно изучается в отечественной и зарубежной историографии, однако пока еще довольно мало работ, построенных на использовании в равной степени первоисточников всех трех сторон, участвовавших в этом процессе. Дополнительные возможности его изучения, в частности, представляет анализ переписки И.В. Сталина, Г. Трумэна и У. Черчилля, основанный на связанных с ней документах российских, британских и американских архивов. Отнюдь не претендуя на всестороннее освещение этой большой и сложной темы, мы рассмотрим здесь лишь некоторые узловые сюжеты союзных отношений, отражавшиеся в переписке “Большой тройки”¹.

ДВА ДНЯ ПОБЕДЫ ВМЕСТО ОДНОГО

Готовясь к окончанию войны в Европе, союзники исходили из того, что действия по окончательному разгрому общего врага должны быть осуществлены согласованно и привести к безоговорочной капитуляции Германии перед всеми основными участниками антигитлеровской коалиции. Сам принцип безоговорочной капитуляции был впервые предложен на конференции в Касабланке, а ее конкретные условия вырабатывались в рамках Европейской Консультативной Комиссии (ЕКК). И вот настали последние дни войны на Европейском континенте.

2 мая немецкие части сдались советским войскам в Берлине, и в тот же день вступило в силу соглашение о капитуляции нацистов в Италии. Несмотря на сохранение отдельных очагов сопротивления, наступало время полной и окончательной капитуляции Германии. 4 мая немецкие эмиссары во главе с адмиралом флота Г. фон Фридебургом прибыли в штаб-квартиру Главнокомандующего войсками союзников в Европе генерала Д. Эйзенхауэра для переговоров о капитуляции. На следующий день к ним присоединился генерал-полковник А. Йодль. Главком союзников отверг предложение немцев о капитуляции только на Западном фронте и договорился с советским командованием

Печатнов Владимир Олегович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политики стран Европы и Америки Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД РФ, Заслуженный деятель науки РФ.

¹ Автор приносит благодарность руководству Историко-документального департамента МИД России и старшему советнику ИДЦ Н.А. Абрамову за большую помощь в выявлении документов Архива внешней политики, использованных в этом очерке.

о том, что капитуляция немцев произойдет одновременно на обоих фронтах. Окончательно время подписания капитуляции должно было быть согласовано между англо-американским и советским командованием на основе предложения Эйзенхауэра. В послании Сталину от 4 мая (полученном в Москве на следующий день) Трумэн рекомендовал синхронизировать объявление об окончании войны во всех трех союзных столицах:

“Приняты меры к тому, чтобы генерал Эйзенхауэр уведомил нас заблаговременно о том, когда он намерен официально объявить о Дне Победы в Европе, с тем чтобы мы смогли координировать наши заявления с объявлением генерала Эйзенхауэра. По получении от него уведомления я немедленно извещу Вас, чтобы мы могли сделать одновременные заявления. Ведь Вы согласны с тем, что весьма важно, чтобы Ваше, Черчилля и мое заявления были сделаны в одно и то же время.

Аналогичное послание направляется Черчиллю”².

Хотя в данном случае инициатива синхронизации принадлежала Вашингтону, согласование одновременных заявлений глав трех правительств по важным вопросам к тому времени стало уже обычной практикой союзных отношений: последнее такое заявление было сделано по инициативе Черчилля 25 апреля в честь соединения союзных армий в Германии. На сей раз британский премьер с готовностью откликнулся на инициативу Г. Трумэна и предложил конкретное время суток для такого объявления – три часа пополудни по британскому летнему времени, что равнялось четырем часам дня в Москве и девяти часам утра в Вашингтоне. Сталин и Трумэн ответили согласием, но сама дата объявления пока оставалась открытой. С учетом срочности сообщения послание Сталина Трумэну на сей счет от 6 мая было передано в Белый дом в рекордно короткий срок. Телеграмма временного поверенного Н.В. Новикова заместителю наркома иностранных дел А.Я. Вышинскому раскрывает обстоятельства этой передачи: “Ваш исходящий получен и расшифрован сегодня к ночи. Учитывая, что если я препровожу послание тов. Сталина через одного из заместителей Стеттиниуса, то оно будет получено президентом лишь завтра, причем довольно поздно утром, я отступил от рекомендованного Вами порядка и передал послание непосредственно через адъютанта Белого дома лейтенанта Болла сегодня в 24 часа. В этом случае есть гарантия, что если это послание не будет доставлено немедленно, то, по крайней мере, оно попадет к президенту рано утром”³. Послание действительно было получено Трумэном утром 7 мая, но президент не стал на него отвечать, поскольку оно не требовало ответа.

5 мая Эйзенхауэр предъявил германским эмиссарам условия одновременной капитуляции Германии на обоих фронтах и передал их для согласования с Москвой советскому представителю при своей ставке – начальнику советской военной миссии в Париже генерал-лейтенанту И.А. Суслопарову. Эти условия были гораздо проще и лаконичнее громоздкого проекта, подготовленного в ЕКК. Ответ начальника Генштаба РККА генерала армии А.И. Антонова пришел в ставку Эйзенхауэра уже после того, как в Реймсе 7 мая в 1 ч. 41 мин. по центральноевропейскому времени было подписано соглашение о капитуляции вооруженных сил Германии перед союзным и советским командованием. От имени последнего его подписал Суслопаров, не успевший к тому времени получить официальных указаний своего начальства на сей счет. Соглашение должно было вступить в силу к полуночи 8 мая. С учетом того, что приказы немецкого командования своим частям сложить оружие передавались открытым текстом и становились известны прессе, а также с целью скорейшего прекращения военных действий и избежания лишних потерь Эйзенхауэр предложил Объединенному комитету начальников штабов США и Великобритании объявить о капитуляции на сутки раньше истечения намеченного срока – утром 8 мая. Антонов между тем в своем сообщении предлагал провести

² Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., т. 1–2. М., 1957, т. 2, с. 225.

³ Архив внешней политики РФ (далее – АВП РФ), ф. 059а, п. 46, д. 270, л. 162–163.

эту процедуру в Берлине с участием Г.К. Жукова и сделать это 9 мая ввиду продолжавшегося сопротивления немцев на Восточном фронте. Идя навстречу советской стороне, Эйзенхауэр согласился на повторное подписание капитуляции в Берлине после вступления в силу реймского соглашения и сообщил в Москву о своем намерении участвовать в этой процедуре. Однако вопрос об объявлении дня Победы оставался несогласованным. 7 мая Сталин получил сообщение Трумэна о намерении сделать объявление об этом (по словам президента, “очень важном событии для Объединенных Наций и для всего мира”) утром 8 мая по вашингтонскому времени, следуя рекомендации Эйзенхауэра. Утверждение президента в мемуарах о том, что эта дата была заранее согласована со Сталиным⁴, не соответствует действительности, как следует из последующего изложения.

Сталин, по свидетельству очевидцев, был крайне недоволен подписанием капитуляции в Реймсе и приниженной ролью в нем СССР. Днем 7 мая он позвонил Жукову в Берлин и сказал: “Сегодня в городе Реймсе немцы подписали документ о безоговорочной капитуляции. Главную тяжесть войны на своих плечах вынес советский народ, а не союзники, поэтому капитуляция должна быть подписана перед верховным командованием всех стран антигитлеровской коалиции, а не только перед верховным командованием союзных войск”. Сталина также раздражало, что капитуляция была подписана в провинциальном французском городе, а не в Берлине – “центре фашистской агрессии”⁵. Только после соблюдения всех этих условий, считал Сталин, можно будет объявить о победе над Германией. Однако в аналогичных посланиях Трумэну и Черчиллю он делал акцент не на соображениях престижа, а на военных аспектах. По существу в них почти дословно повторялась аргументация послания Антонова Эйзенхауэру от 7 мая, которая, разумеется, тоже была санкционирована Сталиным:

“У Верховного Командования Красной Армии нет уверенности, что приказ германского командования о безоговорочной капитуляции будет выполнен немецкими войсками на восточном фронте. Поэтому мы опасаемся, что, в случае объявления сегодня Правительством СССР о капитуляции Германии, мы окажемся в неловком положении и введем в заблуждение общественное мнение Советского Союза. Надо иметь в виду, что сопротивление немецких войск на восточном фронте не ослабевает, а, судя по радиоперехватам, значительная группа немецких войск прямо заявляет о намерении продолжать сопротивление и не подчиняться приказу Дёница о капитуляции.

Поэтому Командование советских войск хотело бы выждать до момента, когда войдет в силу капитуляция немецких войск, и, таким образом, отложить объявление Правительства о капитуляции немцев на 9 мая, в 7 часов вечера по московскому времени”⁶.

Черчилль поначалу присоединился к решению Трумэна объявить об окончании войны 8 мая; 7 мая он послал следующее сообщение Сталину еще до получения сталинского запроса об отсрочке:

“Президент согласен объявить по радио о дне Победы в Европе в 9 часов утра по вашингтонскому времени, что будет означать 3 часа дня в Лондоне и 4 часа дня в Москве. Это является одним и тем же моментом для всех нас троих благодаря тому, что земля кругла. Я надеюсь, что Вы телеграфируете ему и мне о Вашем согласии.

Намеченным днем является вторник, 8 мая, но я дам подтверждение в течение понедельника, 7 мая, того, может ли быть этим днем вторник или это следует отложить до среды, 9 мая”⁷.

Таким образом, Черчилль на тот момент еще не исключал одновременного объявления капитуляции не только 8-го, но и 9 мая. Однако позднее в тот же день (7 мая) премьер, пользуясь последней информацией от Эйзенхауэра, решил ускорить события. В срочной депеше Трумэну он просил перенести объявление с 8 на 7 мая с тем, чтобы

⁴ Memoirs by Harry S. Truman, v. 1. New York, 1953, p. 205.

⁵ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969, с. 682.

⁶ Переписка..., т. 2, с. 227–228.

⁷ Там же, т. 1, с. 355.

затем “сообщить Д. Джо (т.е. Сталину. – В.П.) о том, что мы собираемся делать”⁸. Иными словами, премьер хотел поставить советского вождя перед фактом единства англо-американской позиции. В ожидании ответа от президента Черчилль направил Сталину свое следующее послание о переносе объявления на 7 мая, но дал команду британскому временному поверенному в Москве Ф. Робертсу придержать его вручение до особого распоряжения. Для экономии времени это распоряжение должно было быть передано в незашифрованном виде (клером) с помощью условного сигнала “О’кей”⁹.

Но время шло, а ответа Трумэна всё не было. Тогда нетерпеливый премьер позвонил в Белый дом и лично передал свою просьбу главному военному советнику президента адмиралу У. Леги. “Президент прекрасно понимает Ваши трудности, – ответил Леги, – но он не может сделать официальное объявление до согласованного часа, девяти утра завтрашнего дня, если только Сталин не согласится на более раннее время”¹⁰. Американский запрос в Москву о “более раннем времени” – переносе объявления с 8 на 7 мая – был передан Вышинскому через временного поверенного Дж. Кеннана 7 мая. Узнав от Кеннана о согласии Трумэна на предложение премьера, Робертс, не дождавшись условленного сигнала от Черчилля, решил на свой страх и риск отправить отложенное послание премьера в Кремль¹¹. Однако Вышинский на встрече с Кеннаном сослался на отсутствие сообщений советских военных властей о капитуляции на Восточном фронте и отклонил американское предложение¹². Белый дом не стал настаивать, и Черчиллю пришлось вернуться к дате 8 мая (о чем он в тот же день уведомил Сталина и Трумэна). “М-р Черчилль названивал мне, предлагая сделать немедленное объявление, не обращая внимания на русских, – подвел итоги того бурного дня Трумэн в письме домочадцам. – Ему было в этом отказано, и тогда он стал подталкивать меня связаться со Сталиным. В конце концов, ему пришлось смириться с прежним планом, но он был расстроен, как мокрая курица”¹³. Запланированное на 6.30 радиообращение премьера к стране было отменено за полчаса до назначенного времени¹⁴. Тем не менее Черчилль продолжал спешить, и уже 7 мая британское министерство информации оповестило сограждан о том, что 8 и 9 мая объявляются выходными днями в честь победы над Германией, а 8 мая состоятся выступления премьер-министра и короля.

В своем ответе на послание Сталина от 7 мая, одобренном британским кабинетом, Черчилль объяснял, почему он не может пойти навстречу его просьбе о переносе объявления дня Победы. Премьер еще надеялся на то, что Сталин пусть с оговорками, но успеет присоединиться к заявлениям союзников 8 мая. Но даже если бы у Сталина и появилось такое желание, то он бы не успел этого сделать. Препровождая послание в НКВД, Ф. Робертс извинился за то, что таковое пришло “слишком поздно для того, чтобы оно могло быть получено Маршалом Сталиным до 4-х часов дня, как на это надеялся г-н Черчилль”¹⁵. Действительно, когда это послание было получено в НКВД (в 16.55 по московскому времени 8 мая), Черчилль уже сделал свое заявление по радио, в котором пообещал воздать должное и советскому союзнику в его день Победы. Вечером, прервав праздничный ужин, премьер появился перед огромной ликующей толпой на Парламентской площади, произнес краткую речь, а затем присоединился к стихийному исполнению знаменитой британской песни “Страна надежды и славы”¹⁶.

⁸ *Defending the West. The Truman-Churchill Correspondence, 1945–1960.* Westport, 2004, p. 60.

⁹ *From Foreign Office to Moscow (Prime Minister to Mr. Roberts), 7th May, 1945.* – *The National Archives, Kew Garden (Richmond, U.K.)* (далее – TNA), Foreign Office (далее – FO), 954/26.

¹⁰ *Leahy W. I Was There.* New York, 1950, p. 359–360.

¹¹ *From Moscow to Foreign Office, 7th May, 1945.* – TNA, FO 954/26.

¹² Вашингтон, совпослу, 8 мая 1945 г. – Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ), ф. 558, оп. 11, д. 371, л. 66; Советско-американские отношения. 1939–1945 гг. Под ред. Г.Н. Севостьянова. М., 2004, с. 683–684.

¹³ *Memoirs by Harry S. Truman, v. 1, p. 206.*

¹⁴ *Gilbert M. Winston Churchill, v. VII.* Boston, 1986, p. 1336.

¹⁵ Робертс – Вышинскому, 8 мая 1945 г. – РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 273, л. 149.

¹⁶ *Gilbert M. Op. cit., v. VII, p. 1344, 1347.*

Черчилль – Сталину, 8 мая 1945 г.

“Я только что получил Ваше послание, а также прочитал письмо от генерала Антонова генералу Эйзенхауэру, в котором предлагается, чтобы объявление о капитуляции Германии было бы отложено до 9 мая 1945 года. Для меня будет невозможно отложить мое заявление на 24 часа, как Вы это предлагаете. Более того, парламент потребует информации о вчерашнем подписании в Реймсе и об официальной ратификации, намеченной на сегодня в Берлине... Я разъясню в моем заявлении, что в отдельных местах все еще имеется сопротивление. Это неудивительно, если принять во внимание огромную протяженность фронта и дезорганизованное состояние германского правительства. Я полагаю, что Президент Трумэн сделает свое заявление сегодня в 9 часов утра по американскому времени, и я надеюсь, что Вы с соответствующими оговорками сможете сделать Ваше заявление, как это было условлено”¹⁷.

Воздать должное советскому союзнику призывала Черчилля и его супруга Клементина, находившаяся тогда в Москве с дружественным визитом. Вечером 8 мая Черчилль направил ей телеграмму с текстом своего приветственного послания Красной Армии и русскому народу от британской нации. “Было бы хорошо, – писал, в частности, он, – если бы ты завтра выступила с этим обращением по радио при условии, что это будет приемлемо для Кремля”¹⁸. Утром 9 мая Ф. Робертс обратился к заместителю Молотова И.М. Майскому с просьбой организовать прием К. Черчилль в Кремле или хотя бы разрешить ей зачитать это послание по советскому радио. Тот написал срочную записку Сталину: “Полагаю, что лучше всего было бы, если бы Вы нашли сегодня несколько минут для того, чтобы принять г-жу Черчилль (тем более что она уже раньше просила свидания с Вами), а после того она могла бы выступить по радио. Если бы, однако, Вы не смогли сегодня принять г-жу Черчилль, то ей следовало бы разрешить выступить по радио”¹⁹. День Победы был для Сталина очень насыщенный, и он не смог (а может, и не захотел) снова встречаться с британской гостьей, но согласился на второй вариант. Вечером того же дня Клементина Черчилль зачитала приветствие своего мужа по советскому радио, а на следующий день его опубликовали в “Правде”.

Трумэн и вовсе не успел официально ответить на предложение Сталина, отправленное из Москвы 7 мая в 3.50 по московскому времени, полученное в советском посольстве 8 мая в 00.15 по вашингтонскому времени и переданное дежурному офицеру штабной комнаты в 1.08 ночи²⁰. Даже при том, что посольство находилось всего в нескольких кварталах от Белого дома, видно, что дипломаты очень спешили с передачей послания, поскольку счет шел уже на минуты. “По имеющимся сведениям, – той же ночью сообщил в Москву Н.В. Новиков, – президент намерен был выступить с декларацией по поводу прекращения войны 8 мая в 9 часов утра по вашингтонскому времени. Таким образом, переданное только что послание успело вовремя предупредить его о переносе декларации на 9 мая”²¹.

При поверхностном знакомстве с официальным изданием “Переписки” может сложиться впечатление, что президент вообще не откликнулся на экстренное обращение Сталина. Но это не совсем так. Неизвестные прежде подробности прохождения упомянутого обращения сохранились в журнале штабной комнаты Белого дома²² и российских архивах. Несмотря на просьбу советского посольства передать сталинское послание президенту как можно раньше в надежде задержать президентское объявление, дежурный офицер штабной комнаты решил не беспокоить начальство до раннего утра. Только в 6.50 он доложил военному помощнику Трумэна капитану Дж. Вардаману

¹⁷ Переписка..., т. 1, с. 357.

¹⁸ Foreign Office to Moscow, 8 May, 1945. – TNA, FO 954/26.

¹⁹ Председателю Совета Народных Комиссаров тов. Сталину И.В. – РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 274, л. 1.

²⁰ Из Вашингтона, 8 мая 1945 г. – АВП РФ, ф. 059а, п. 46, д. 270, л. 169.

²¹ Там же.

²² Franklin D. Roosevelt Library (далее – FDRL), Map Room Logs, Box 195 (8 May, 1945).

о полученном послании. Тот приказал дежурному никому его не показывать и в 7 ч утра лично понес документ на завтрак к президенту, отмечавшему 8 мая свой день рождения. Судя по всему, во время этого завтрака и было решено, как реагировать на срочное обращение Сталина. Советское посольство тщетно пыталось узнать по телефону, получил ли Трумэн переданное послание, но сменившийся дежурный офицер отвечал, что он только что заступил на свой пост и “ничего об этом не знает”. Лишь около 11 ч. утра (через два часа после выступления Трумэна по радио) в посольстве получили письмо за подписью президента, составленное адмиралом Леги и адресованное послу А.А. Громько (хотя он в те дни находился вместе с В.М. Молотовым на учредительной конференции Объединенных Наций в Сан-Франциско):

“Мой дорогой господин посол,

Прошу сообщить маршалу Сталину, что его послание мне было получено в Белом доме в час ночи сегодня. Однако, когда послание поступило ко мне, приготовления продвинулись вперед настолько, что оказалось невозможным рассмотреть вопрос об отсрочке объявления мною о капитуляции Германии.

Ваш Гарри С. Трумэн”²³.

Передавая это объяснение в Москву, Новиков дал ему следующую оценку: “Из послания видно, что Трумэн получил послание тов. Сталина достаточно заблаговременно для того, чтобы отложить свое выступление, но не захотел этого, ссылаясь на такое чисто техническое обстоятельство, как то, что подготовка к выступлению зашла слишком далеко”²⁴.

Это срочное сообщение получили в Москве лишь 8 мая в 22.00 по московскому времени, т.е. через шесть часов после того, как Трумэн одновременно с Черчиллем объявил об окончании войны в Европе по радио. Таким образом, вместо запланированного одновременного объявления всеми членами “Большой тройки” о долгожданной победе над общим врагом западные лидеры сделали это раньше Сталина, который к тому же получил их объяснения уже после свершившегося факта. Соображения собственного удобства и внутривластные расчеты взяли верх над солидарностью с советским союзником. Вряд ли это могло понравиться в Кремле. Сталин, как и обещал, выступил по радио со своим обращением в 21 час 9 мая после получения Акта о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил, подписанного в Берлине и доставленного в Москву на специальном самолете. Процедура подписания этого документа началась сразу по истечении срока, определенного реймским соглашением – в полночь с 8 на 9 мая. Вопреки своему первоначальному плану (о котором он предпочел умолчать в мемуарах) Эйзенхауэр счел “лично для себя неподходящим” принять участие в этой церемонии. “Немцы уже побывали в штаб-квартире западных союзников, чтобы подписать акт о безоговорочной капитуляции, – объяснял он, – и я полагал, что ратификация в Берлине должна быть делом Советов”²⁵. Союзников представляли командующие второго уровня, так что реймская асимметрия повторилась с точностью наоборот.

КРИЗИС ВОКРУГ ТРИЕСТА

К концу апреля в межсоюзных отношениях возник новый кризис, связанный с ситуацией в северной итальянской провинции Венеция-Джулия. Там и раньше сталкивались территориальные интересы итальянского и словенского населения, составлявшего большинство в провинции и меньшинство в ее главном городе – порте Триесте. Приближение конца войны придало этому конфликту новую остроту. Провинция освобождалась с северо-востока силами югославских партизан, а с запада – союзными войсками в Италии под командованием британского генерала Г. Александра. При этом отряды И.Б. Тито стремились к максимальному расширению зоны своего контроля, союзники

²³ Текст документа приводится в примечаниях к 2-му тому “Переписки”.

²⁴ Из Вашингтона, 8 мая 1945 г. – АВП РФ, ф. 059а, п. 46, д. 270, л. 172.

²⁵ *Эйзенхауэр Д.* Крестовый поход в Европу: Военные мемуары. М., 1980, с. 486.

же предпочитали контролировать провинцию сами. В конце февраля Тито и Александер договорились о том, что до окончательного мирного урегулирования территория Венеции-Джулии, включая сам Триест, останется под военным управлением союзников, а гражданская власть на местах будет принадлежать югославским властям. Однако к концу апреля ситуация изменилась. Позиции правительства Тито укрепились (в том числе благодаря союзному договору с СССР, заключенному в начале апреля), и его территориальные претензии возросли. Югославские части рвались к Триесту, наводя свои порядки на занимаемой территории. Для союзников же Триест с его портом имел важное стратегическое значение, так как через него шли линии коммуникаций и снабжения британской оккупационной зоны Австрии.

Еще важнее была политическая сторона вопроса, ибо речь шла не только о судьбе самой провинции. Перспектива и последствия установления югославского (и маячившего за ним советского) контроля над этой территорией представлялись западным союзникам неприемлемыми. И напротив: поддержка итальянской стороны и победа Италии в этом споре могли помочь ей остаться в сфере влияния Запада. Внутренняя переписка англо-американцев обнажает эти подлинные мотивы союзников в ходе триестского кризиса предельно ясно. «Мои ощущения подсказывают, что отныне мы должны поддерживать Италию против Тито, – писал Черчилль своему министру иностранных дел Э. Идену “только для Ваших глаз” еще в марте. – Пусть Тито сидит в своих горах и варится в балканском соусе, столь горьком на вкус. Тот факт, что мы в целом поддерживаем итальянские требования в верховьях Адриатики, даст нам влияние на внутреннюю политику Италии против коммунистов и других дикарей, а это может помочь восстановлению итальянского государства... Надеюсь, что нам еще удастся спасти Италию от большевистской заразы»²⁶. По мере развития кризиса Черчилль еще более укрепился в своем воинственном настрое. Вот что он телеграфировал Идену в Вашингтон 13 апреля:

“Расколоть компартию Италии можно только на требованиях Тито. В наших интересах предотвратить, насколько это возможно, подчинение России всей Центральной и Западной Европы. Итальянцы, несомненно, будут на нашей стороне. Правительство Соединенных Штатов очень расположено к Италии и будет ее поддерживать – особенно с учетом большого количества голосов итальянцев [в США], которые новый президент будет рад получить. Поэтому считаю нужным войти в тесное взаимодействие с Соединенными Штатами, сгладить наши отношения с Италией и получить искреннюю поддержку большинства итальянцев. Это будет весьма хороший расклад”²⁷.

Действуя в этом направлении, Черчилль активно склонял Трумэна к более решительному противодействию отрядам Тито, включая использование союзных войск. “Мне представляется крайне важным, – писал он президенту 27 апреля, – овладеть Триестом, если мы сможем это сделать, как предлагает Александер, идя на риск, неизбежный в таких военно-политических операциях”. Премьер просил Трумэна одобрить план штаба Александра по захвату Триеста, Пулы и линий коммуникаций между Италией и Австрией, причем сделать это явочным порядком без уведомления югославской или советской стороны. Трумэн разделял опасения Черчилля, но остерегался риска прямого военного столкновения с союзниками-югославами и его последствий для отношений с СССР. После консультаций со своими военными и дипломатами президент согласился с предложенным планом, но только при условии, что Александер уведомит о нем югославское командование и сможет выполнить его без сопротивления со стороны отрядов Тито. “Я хочу избежать ситуации, при которой американские войска будут воевать с югославскими силами или использоваться на поле боя в целях балканской политики”, – отвечал он Черчиллю 30 апреля²⁸.

²⁶ For Foreign Secretary, 11.III.45. – TNA, Prime Minister Office (далее – PREM), 3/495/5.

²⁷ From Foreign Office to Washington, 13th April, 1945. – Ibidem.

²⁸ Defending the West, p. 39, 50.

1 мая Александр сообщил о стоявших перед ним задачах Тито и призвал его подчинить свои силы союзникам в зоне их боевых действий (в операции были задействованы британские дивизии). Но главным не питал иллюзий относительно уступчивости югославов: он предупредил Черчилля о том, что Тито “не выведет свои войска, если только русские ему не скажут” и что захват провинции чреват военным столкновением с югославами, контролировавшими подавляющую часть ее территории²⁹. 1–2 мая британские и югославские войска, сломив сопротивление немцев, вступили в Триест: первые заняли район порта, а вторые – большую часть города с его окрестностями. Югославы стали притеснять итальянское население в отместку за прошлую дискриминацию. Между частями недавних союзников начались трения. Переговоры англо-американцев с Тито о возвращении к февральской договоренности между ним и Александром зашли в тупик.

После капитуляции Германии Трумэн также стал склоняться к более жесткой линии в Триестском кризисе, усматривая в нем испытание решимости англо-американцев противостоять распространению влияния СССР и его союзников в центре Европы. 12 мая президент направил Черчиллю послание, в котором говорилось, что уступки американцев и англичан в Венеции-Джулии приведут к распространению югославских притязаний на Южную Австрию, Венгрию и Грецию, а от решения этого вопроса зависит “будущая ориентация Италии”. Трумэн предлагал предъявить югославам совместное жесткое требование вывести свои войска из зоны, охватывающей города Триест, Пулу, Горицу, Монфальконе и обеспечивающей устойчивые линии коммуникации из Италии в Австрию. “Тито не слишком уверен в себе и вряд ли пойдет на нечто большее, чем символическое сопротивление, хотя мы должны быть готовы к дальнейшим шагам, необходимым для его выдворения”, – телеграфировал он премьер-министру³⁰. Черчилль был чрезвычайно обрадован поддержкой президента, без которой он не мог рассчитывать на успех в этом противостоянии. “Великолепное послание президента Трумэна, – писал он в телеграмме Александру, – представляет нашу позицию во всей силе и дает надежду на то, что Соединенные Штаты не уплывут за океан, оставив нас наедине с подавляющей мощью России без достижения должного урегулирования”³¹. Трумэну Черчилль ответил, что “согласен с каждым словом” президента и готов к решительным шагам, “покуда наши силы еще не рассеялись”. Действительно, соотношение сил в регионе благоприятствовало англо-американцам: под командованием Александра, как напоминал президенту Черчилль, находилось 18 дивизий, включая две польские и одну бразильскую³². 15 мая соответствующее представление югославскому правительству было сделано послами США и Великобритании в Белграде. Правда, в нотах речь шла не о выводе югославских войск из спорной территории, а об их подчинении союзному командованию. Руководство Форин офис предложило Черчиллю придать этому англо-американскому демаршу широкую огласку, чтобы заработать очки у итальянской общественности. “Я бы не стал волноваться по этому поводу, – ответил премьер, – собака и так скоро узнает, кто дал ей кость”³³.

Между тем солдаты Александра отнюдь не горели желанием вступать в бой со вчерашним союзником, когда война в Европе уже закончилась. Главнокомандующий жаловался Черчиллю: хотя его измотанные части “подчинятся приказу, я сомневаюсь, что они вновь вступят в бой – на сей раз с югославами – с тем же энтузиазмом, с которым они сражались против немцев”. 15 мая премьер-министр сделал ему строгое внушение, напомнив о больших ставках в этой локальной игре:

“Если западные союзники не смогут противостоять захватническим и другим претензиям Тито и согласятся на какой-нибудь хилый компромисс, это может породить

²⁹ Churchill W. The Second World War, v. VI. London, 1954. p. 481.

³⁰ Defending the West, p. 73.

³¹ Prime Minister to Field Marshal Alexander, 15.V.45. – TNA, PREM, 3/495/9.

³² Defending the West, p. 76.

³³ Sir Orme Sargent, 14th May, 1945. – TNA, PREM, 3/495/7.

гораздо большую угрозу, чем та, с которой мы сталкиваемся сейчас в верховьях Адриатики. Меня крайне беспокоит общий настрой русских, особенно, если они сочтут, что перед ними стоят лишь измотанные войска и дрожащие от страха органы власти... Если мы не проявим сейчас силу воли, то нас будут гнать от края до края. В настоящее время президент и госдепартамент ожидают ответа Тито. Если мы проявим малейшую неуверенность, ответ может быть отрицательным. Я надеюсь на растущую концентрацию сил на югославском фронте, поскольку не верю, что Тито и стоящая за ним Россия спровоцируют большое столкновение, покуда американские армии находятся в Европе»³⁴.

В телеграмме Идену премьер высказался о колебаниях командующего еще резче: «Жаль, что Александер позволил себе такую слабость. Нельзя, конечно, ожидать, чтобы уставшие войска взялись за новую задачу с “энтузиазмом”, но, как показывает наш опыт в Афинах, после первых выстрелов они скоро разогреваются» (Черчилль имел в виду подавление английскими войсками вооруженных отрядов ЭЛАС в декабре 1944 г.)³⁵.

Колебался не только Александер, но и Трумэн, опасавшийся переходить критическую грань между демонстрацией и использованием силы, тем более в условиях, когда еще не завершилась война с Японией. “Я не хотел вмешиваться в балканские дела таким образом, который мог привести к еще одному мировому конфликту, – пояснял президент в мемуарах. – Кроме того, я стремился вовлечь русских в войну с Японией, чтобы спасти бесчисленные американские жизни. Черчилль, со своей стороны, делал всё, чтобы удержать британский контроль над Восточным Средиземноморьем с тем, чтобы сохранить влияние Великобритании в Греции, Египте и на Среднем Востоке”. “Для меня невозможно втянуть свою страну в еще одну войну, если только части Тито не нападут первыми”, – предупредил Трумэн премьера 14 мая. Одновременно президент дал указания своим военным быть готовыми к использованию силы на случай, если дело дойдет до вооруженного столкновения. Пять дивизий генерала Паттона выделялись для переброски в район Триеста, корабли Средиземноморского флота и части армейской авиации были приведены в боевую готовность³⁶.

Черчилль продолжал “обрабатывать” Трумэна, пытаясь доказать, что вооруженный отпор силам Тито еще не будет означать “войны с Югославией”, но президент стоял на своем. В том же послании Черчиллю от 12 мая он предлагал сообщить Сталину о предпринимаемых союзникам мерах, и Черчилль взял эту задачу на себя. 13 мая британский кабинет одобрил эту инициативу премьер-министра и поручил Форин офис подготовить проект соответствующей телеграммы Сталину³⁷. Черчилль внес в него лишь незначительные коррективы³⁸. Трумэн через посольство США в Москве подтвердил солидарность с посланием премьера. Главная цель послания заключалась не столько в уведомлении Сталина о своих действиях, сколько в расчете на то, что Москва, столкнувшись с твердой линией Запада, окажет давление на своего югославского союзника³⁹.

Ультимативное требование, предъявленное союзниками маршалу Тито в середине мая, не возымело действия. Сталин хранил молчание, не отвечая на послание Черчилля от 14 мая. 18 мая премьер пригласил к себе на Даунинг-стрит советского посла Ф.Т. Гусева и после завтрака, когда дамы удалились, дал волю своему накопившемуся раздражению, в том числе по триестскому вопросу. “Тито не желает выводить свои войска из Триеста, – записал монолог премьера Гусев. – Положение в этом районе весьма напряженное. Армии стоят друг против друга. В любой момент могут возникнуть неприятности, если не будет проявлено благоразумие. Триест входит в нашу зону

³⁴ Prime Minister to Field Marshal Alexander, 15.V.45 – TNA, PREM, 3/495/9.

³⁵ Prime Minister to Foreign Secretary, 15.V.45. – Ibidem.

³⁶ Memoirs by Harry S. Truman, v. 1, p. 245, 249–250.

³⁷ Summary of Action to Be Taken in Pursuance of War Cabinet Meeting on 13th May. – TNA, PREM, 3/495/7.

³⁸ Sir Orme Sargent for Prime Minister, May 13th, 1945. – Ibidem.

³⁹ Переписка..., т. 2, с. 359–361.

оккупации и как порт должен стать международным под итальянским флагом. Этот порт должен обслуживать нужды оккупационных войск в Австрии”. “Мы не позволим, – прорычал Черчилль, – чтобы территориальные вопросы решались путем захвата, а не на мирной конференции”. “Во время своей речи, – продолжал посол, – Черчилль говорил о Триесте и Польше с большим раздражением и нескрываемой злобой. По его поведению видно было, что он с трудом сдерживает себя. В его речи много шантажа и угрозы, но это не только шантаж”⁴⁰. Запись той же беседы, сделанная присутствовавшим на ней британским послом в Москве А. Керром, подтверждает крайне резкий тон высказываний премьера, при том, что его наиболее “сильные выражения” дипломат так и не решился воспроизвести на бумаге⁴¹. Со стороны Черчилля это был не только эмоциональный всплеск, но и сигнал, посылаемый Сталину, форма которого была хорошо продумана английским премьером. “Я бы оставил это без правки, – записал Иден на полях записи Керра, – и не считаю, что такой язык принесет какой-то вред при условии, что всё будет правильно изложено. Надеюсь, он принесет пользу, хотя это зависит от Гусева”. Явно довольный этой беседой, Иден советовал премьеру разослать ее запись королю и членам кабинета, но Черчилль оставил ее у себя⁴². Гусев в свою очередь добросовестно изложил сказанное премьером в телеграмме в Москву, хотя его вывод вряд ли понравился бы англичанам. Посол считал, что в лице Черчилля “мы имеем дело с авантюристом, для которого война является его родной стихией, что в условиях войны он чувствует себя значительно лучше, чем в условиях мирного времени”⁴³.

Не добившись от Сталина ответа по вопросу о Триесте и столкнувшись с отказом Тито удовлетворить их требования, союзники решили усилить нажим на Кремль. На сей раз Трумэн по совету госдепартамента решил поднять этот вопрос в переписке со Сталиным, чтобы продемонстрировать единство и решительность союзников в возникшем кризисе. Он также напрямую просил содействия Сталина в урегулировании кризиса на условиях Запада.

Отправив это послание Сталину 20 мая, Трумэн подготовил указание Александеру и Эйзенхауэру немедленно направить подкрепления в спорный район Венеции-Джулии с тем, чтобы “наше военное превосходство и твердость наших намерений стали очевидны для югославов”, как телеграфировал он Черчиллю 21 мая. В инструкциях военным говорилось также о необходимости не поддаваться на возможные провокации со стороны отдельных югославских командиров. “Я не могу позволить себе помощи в деле переброски американских сил на Тихий океан, которых можно избежать”, – пояснил Трумэн Черчиллю. Премьер ответил согласием: “Думаю, есть высокая вероятность того, что если дислокация наших сил будет достаточно угрожающей, решение может быть найдено без боя. Наша твердость в этом вопросе принесет пользу в наших дальнейших обсуждениях со Сталиным”⁴⁴.

Демарш союзников оставил Сталина в сложное положение. До того он избегал формального вовлечения в триестское противостояние, скрыто поддерживая претензии югославов и надеясь на уступки союзников. Теперь ему пришлось занять определенную позицию, рассчитанную на достижение компромисса на максимально выгодных для югославов условиях. Эта позиция была выработана в Кремле еще до получения послания Трумэна и сводилась к тому, чтобы сохранить военное и административное присутствие югославов в спорной зоне, согласившись на формальный военный контроль

⁴⁰ Из Лондона, 18 мая 1945 г. – АВП РФ, ф. 059а, оп. 7, п. 13, д. 6, л. 351, 357. Несколько смягченный и перефразированный вариант записи этой беседы см.: Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы, т. 2. М., 1983, с. 385–388.

⁴¹ Note by Sir Archibald Clark Kerr on a Discussion between the Prime Minister and the Soviet Ambassador at No 10 Downing Street on May 18, 1945. – TNA, PREM, 3/396/12.

⁴² Prime Minister 20th May, 1945. – Ibidem.

⁴³ Из Лондона, 18 мая 1945 г. – АВП РФ, ф. 059а, оп. 7, п. 13, д. 6, л. 357–358.

⁴⁴ Defending the West, p. 86.

со стороны Александра. Такое положение давало югославам возможность продолжить борьбу за Триест при избежании военного конфликта с союзниками. Соответствующие установки были переданы в Белград 18 мая и неохотно приняты югославами⁴⁵. Послание Трумэна ускорило давление со стороны Москвы: Молотов срочно связался по телефону с советским послом в Белграде Садчиковым и удостоверился, что югославская нота с изложением скорректированной позиции была передана западным союзникам 21 мая. Таким образом, к моменту своего ответа Трумэну Сталин уже имел согласованную с Тито линию в этом вопросе. Послание президенту было передано и премьеру. “Было бы несправедливым и явилось бы незаслуженной обидой для югославской армии и югославского народа, – писал в нем Сталин, – отказывать Югославии в праве на оккупацию территории, отвоеванной от врага, после того, как югославский народ принес столько жертв в борьбе за национальные права Югославии и за общее дело Объединенных Наций.

Мне представляется правильным такое решение данного вопроса, при котором в районе Истрии – Триеста оставались бы на месте югославские войска и действующая сейчас в этом районе югославская администрация. Одновременно в этом районе был бы установлен контроль Союзного Верховного Командующего и была бы определена демаркационная линия по взаимному соглашению между фельдмаршалом Александром и маршалом Тито. При принятии этих предложений вопрос об администрации в районе Истрии – Триеста также получил бы правильное разрешение”⁴⁶.

Получив компромиссное предложение Сталина по вопросу о Триесте, союзники решили переиначеить его в свою пользу. Формально они согласились на сохранение военного и административного присутствия югославов на спорной территории, но вознамерились свести его к символическому минимуму путем предоставления Александру как главе Союзного Верховного командования права определять численность и состав югославского военного и гражданского персонала. Соответствующее требование к Белграду было предъявлено в нотах США и Великобритании от 2 июня. Решительность союзников подкреплялась благоприятным для них соотношением сил в регионе и ощущением нежелания Кремля идти на открытое противостояние. “Тот факт, что русские остаются пассивными, весьма важен, – телеграфировал Трумэну Черчилль 2 июня. – Если мы позволим думать, что нами можно безнаказанно помыкать, у Европы не будет иного будущего, кроме новой, самой ужасной войны, которую когда-либо видел мир. Но, сохраняя твердость в благоприятных для нас условиях и районах, мы можем достичь удовлетворительного и прочного основания мира и справедливости”. На случай нового отказа Тито союзники всерьез готовились к военной операции. “На мой взгляд, мы вряд ли сможем добиться своего одним только блефом”, – предупреждал Трумэна Черчилль⁴⁷.

В послании Сталину от 31 мая президент запросил согласия Москвы на предоставление Александру указанных полномочий.

В ходе переговоров англо-американцев с югославами на основе требований союзников от 2 июня последние сломили сопротивление Тито. Важную роль сыграло очередное изменение в советской позиции, происшедшее под влиянием нескольких факторов: непреклонности союзников по вопросу о Триесте, неудачи советской попытки добиться согласия англичан на размещение югославских войск в советской зоне оккупации Австрии (что создало бы прецедент для их пребывания в Триесте), а также недовольства Сталина неосторожными публичными высказываниями Тито в адрес великих держав, принятыми в Кремле на свой счет. В результате, согласно свидетельствам югославских участников событий, 6 июня Тито получил указание Сталина срочно вывести югославские войска из Триеста, поскольку он не намерен ради этого втягиваться в третью

⁴⁵ Гибианский Л.Я. Сталин и Триестское противостояние 1945 г.: за кулисами первого международного кризиса холодной войны. – Сталин и холодная война. М., 1998, с. 49–51.

⁴⁶ Переписка..., т. 2, с. 232–233.

⁴⁷ *Defending the West*, p. 97.

мировую войну⁴⁸. Это расчистило дорогу для заключения соглашения, о котором, как сделал вид Сталин в своем послании Трумэну от 8 июня, он якобы узнал от союзников. В этом послании вождь ограничился пожеланиями и, в сущности, уклонился от защиты югославских интересов.

В Вашингтоне по достоинству оценили сдержанность, проявленную Сталиным на заключительной стадии триестского кризиса. 9 июня в Белграде союзные послы и министр иностранных дел Югославии И. Шубашич подписали соглашение об учреждении временного военного управления в Венеции-Джулии, основанное на западных нотах от 2 июня. По этому соглашению территория провинции разделялась на две зоны. Западная зона А, включавшая Триест, оккупировалась англо-американцами, а восточная зона Б – югославами. Ряд технических вопросов реализации соглашения еще предстояло решить в ходе дальнейших переговоров. Это разделение было временным и оставалось в силе до окончательного мирного урегулирования. Трумэн и Черчилль были довольны таким исходом, и президент 11 июня направил Сталину благодарственное послание. Оно было подготовлено в Госдепартаменте и одобрено Трумэном без поправок, как и в подавляющем большинстве других посланий президента⁴⁹.

На переговорах с западными союзниками о реализации Белградского соглашения по Венеции-Джулии, проходивших в Дуино с 13 по 20 июня, югославская сторона попыталась скорректировать это соглашение в свою пользу. Встретив упорное сопротивление союзников, Белград развернул пропагандистскую кампанию в защиту своих требований и рассчитывал на их поддержку со стороны Москвы. Сталин решил вступить за младшего союзника, не желая обострять отношения с Тито. 21 июня он направил Трумэну и Черчиллю идентичные послания, в которых, в частности, говорилось:

“Не желая обострять отношений, я до сего времени не упоминал в переписке о поведении фельдмаршала Александера, но теперь приходится подчеркнуть, что нельзя согласиться с тем, чтобы в этих переговорах применялся тот заносчивый тон, которым иногда пользуется фельдмаршал Александер в отношении югославов... Для Советского Правительства был неожиданным также тон ультиматума в том заявлении, с которым англо-американские представители обратились к Югославскому Правительству 2 июня. Как можно рассчитывать такими методами обеспечить прочные положительные результаты”⁵⁰.

Получив это сталинское послание, Черчилль надиктовал было набросок гневного ответа, который отражал подлинный настрой премьера:

“На Ваше послание от 21 июня. Наша общая идея, как мы договорились в октябре в Кремле, состояла в том, что югославские дела будут решаться на основе соотношения русских и британских интересов 50 на 50 (Черчилль имел в виду так называемое “процентное соглашение”, предложенное им Сталину в октябре 1944 г. – *В.Л.*). На деле сейчас это скорее 90 на 10, но даже и в этих 10 мы подвергаемся жесткому давлению со стороны маршала Тито – настолько жесткому, что Соединенные Штаты и Правительство Его Величества были вынуждены привести в движение сотни тысяч солдат. Югославы чинили там – особенно в Триесте – большие жестокости в отношении итальянцев и в целом норовили захватывать всю территорию, на которую проникли их легкие силы... Я не понимаю, почему повсюду мы должны терпеть пинки, особенно со стороны людей, которым мы помогали еще до того, как вы вошли с ними в контакт. Поэтому я не вижу никаких оснований извиняться за фельдмаршала Александера, хотя и не был в курсе фразеологии его телеграммы. Мне кажется, что русифицированная граница, пролегающая от Любека и Эйзену до Триеста и Корфу, должна стать предметом очень серьезного разговора между добрыми друзьями. Именно такие вещи нам надо обсудить на нашей встрече, которая уже не за горами”⁵¹.

⁴⁸ Гибианский Л.Я. Указ. соч., с. 55–57.

⁴⁹ Harry S. Truman Library (далее – HSTL), Files of White House, Naval Aide.

⁵⁰ Переписка..., т. 2, с. 246.

⁵¹ Prime Minister to Marshal Stalin, 23.VI.1945. – TNA, PREM, 3/495/10.

В мемуарах Черчилль утверждает, что отправил Сталину именно это возмущенное послание⁵². Однако в действительности премьер лишь выпустил пар, а “доброму другу” в тот же день послал совсем иную телеграмму:

“Весьма благодарен за Ваше послание от 21 июня. Я надеюсь, что теперь, после того как дело было счастливо улажено в Белграде, мы сможем в Берлине совместно обсудить положение. Хотя я не видел заявления фельдмаршала Александра до его опубликования, я могу заверить Вас, что он очень хорошо относится как к России, так и к маршалу Тито”⁵³.

Ходатайство Сталина за югославов перед союзниками окончилось ничем, да к тому же еще и запоздало, хотя Москва торопила с вручением этого послания. В Вашингтоне оно было передано американцам в 23.30 21 июня, и посольство просило срочно сообщить о его вручении президенту, которое произошло только на следующее утро⁵⁴. Но еще 20 июня, до отправки сталинского послания Трумэну и Черчиллю, в Дуино было подписано дополнительное соглашение между югославами и англо-американцами, сохранявшее в силе все условия Белградского соглашения от 9 июня. Трумэну оставалось только уведомить Сталина о своей версии состоявшихся переговоров в послании от 25 июня. Однако борьба за Триест на этом не закончилась – она продолжилась на стадии послевоенного мирного урегулирования.

НА ПУТИ К ПОТСДАМУ

Потсдамская (Берлинская) конференция по праву вошла в анналы мировой дипломатии как событие большой исторической важности. Ей посвящено большое количество документальных публикаций и исторических исследований. Однако в тени остается вопрос о ее происхождении – на поверку оно оказывается гораздо более импровизированным, чем представляется при ретроспективном взгляде. Во всяком случае, еще за два месяца до начала конференции у ее будущих участников не было никаких конкретных планов на сей счет. Одним из главных инициаторов новой встречи “Большой тройки” стал Уинстон Черчилль, имевший на то особые резоны.

Премьера крайне тревожили политические последствия продвижения Красной Армии на запад, чреватого советизацией Восточной и Центральной Европы, а также Балканского полуострова. Вдохновленный быстрым наступлением англо-американских войск в марте–апреле 1945 г., премьер стремился использовать его в политических целях. Еще в начале апреля он писал Рузвельту о необходимости “соединиться с русскими армиями как можно дальше на востоке”⁵⁵. В этих целях Черчилль пытался склонить преемника Рузвельта Трумэна и Эйзенхауэра к тому, чтобы занять Берлин и Прагу до вступления туда советских войск, продвинуться как можно дальше на восток за согласованные пределы зон оккупации Германии с тем, чтобы использовать западное военное присутствие в советской зоне в качестве рычага давления на Сталина. В послании Трумэну от 18 апреля Черчилль предложил не спешить с выводом американских войск из советской зоны и передать этот вопрос в ведение будущей Союзной контрольной комиссии по Германии. “Я готов придерживаться границ оккупационных зон, – оговаривал премьер, – но я не хочу, чтобы наши союзные или американские войска могли быть отброшены назад грубым окриком местного русского генерала”⁵⁶.

Последней попыткой Черчилля повлиять на Сталина путем переписки стало известное послание премьеру от 28 апреля – самое длинное и красноречивое из его писем советскому лидеру. Подчеркивая особое символическое значение польского вопроса для английской и американской общественности, премьер призывал Сталина пойти ей

⁵² Churchill W. Op. cit., v. VI, p. 488–489.

⁵³ Переписка..., т. 2, с. 377.

⁵⁴ FDRL, Map Room Logs, Box 195 (21 June, 1945).

⁵⁵ Churchill&Roosevelt: The Complete Correspondence, v. III. Princeton, 1984, p. 454.

⁵⁶ Defending the West, p. 28–29.

навстречу. Послание заканчивалось пророческим предупреждением об опасности раскола мира на советский и англоязычный: “Вполне очевидно, что ссора между ними раздирала бы мир на части и что все мы, руководители каждой из сторон, которым приходилось иметь к этому какое-либо отношение, были бы посрамлены перед историей... Я надеюсь, что в этом излиянии моей души перед Вами нет ни слова, ни фразы, которые нечаянно нанесли бы обиду. Если это так, то дайте мне знать. Но прошу Вас, мой друг Сталин, не недооценивайте расхождений, намечающихся по вопросам, которые могут Вам показаться маловажными для нас, но которые символизируют мировоззрение демократических народов, говорящих на английском языке”⁵⁷.

Сталин не откликнулся на это “излияние души”, жёстко ответив лишь на конкретную часть послания, что глубоко задело Черчилля. “Я получил прямо-таки удручающий ответ Сталина на мое длинное обращение к нему от 29 апреля”, – сокрушено заметил он⁵⁸. После этого краткого приступа дружелюбия Черчилль вернулся к своему воинственному антисоветскому настрою, характерному для него в победную весну 1945 г. Лучше всего это состояние ощущается в его телеграмме Идену от 4 мая:

“Боюсь, что во время русского продвижения к Эльбе происходит нечто ужасное. Предлагаемый отвод американских войск к согласованным в Квебеке линиям оккупации... будет означать, что волна русского доминирования поглотит еще 120 миль вперед по фронту шириной в 300–400 миль. В таком случае это будет одно из самых печальных событий в истории. В итоге Польша окажется полностью окруженной и погребенной в оккупированных русскими землях... Территория под русским контролем будет включать в себя балтийские провинции, половину Германии, всю Чехословакию, значительную часть Австрии, всю Югославию, Венгрию, Румынию, Болгарию вплоть до границы с Грецией, пребывающей ныне в столь шатком состоянии. В нее войдут все великие столицы срединной Европы, включая Берлин, Вену, Будапешт, Белград, Бухарест и Софию. А там речь может пойти о Турции и Константинополе”.

В качестве противоядия Черчилль предлагал не отводить англо-американские войска с занятых ими позиций до тех пор, “пока мы не получим удовлетворения по Польше, по временному характеру русской оккупации Германии, а также по условиям, создаваемым в подконтрольных русским странах в долине Дуная, особенно Австрии, Чехословакии и на Балканах”. Если эти вопросы, заключал он, “не будут решены до того, как армии Соединенных Штатов покинут Европу и западный мир демонстрирует свою военную машину, то остается очень мало надежд на удовлетворительное урегулирование и предотвращение третьей мировой войны”⁵⁹. Те же мысли почти дословно он развивал и в послании Трумэну от 6 мая. Потеряв надежду заочного воздействия на Сталина, премьер писал президенту, что “далее решать проблемы путем переписки вряд ли получится, и следует как можно скорее провести встречу трех глав правительств”⁶⁰.

Трумэн отреагировал положительно, но высказался за то, чтобы предложение о такой встрече исходило из Москвы. “Возможно, – добавил он, – у Вас есть способ, как подвести Сталина к предложению такой встречи или запросу о ней”. Черчилль усомнился в том, что это удастся сделать, и предложил обратиться к диктатору напрямую вместе или порознь с приглашением на встречу в “одном из уцелевших городов Германии”. При этом, подчеркнул премьер, “нам не следует встречаться на территории нынешней русской военной зоны. Два раза подряд мы ездили ему навстречу”. Англичанин торопил с проведением встречи (“дорога каждая минута”), пока “наши армии не распущены”. Трумэн в ответной телеграмме от 12 мая всё же стоял за подталкивание Сталина через посольства своих стран в Москве, оставив вариант прямого обращения про запас. Он также отклонил приглашение Черчилля заехать в Лондон перед встречей

⁵⁷ Переписка..., т. 1, с. 407.

⁵⁸ Churchill W. Op. cit., v. VI, p. 435.

⁵⁹ From Foreign Office to United Kingdom Delegation San Francisco, May 4th, 1945. – PREM, 3/356/12.

⁶⁰ Defending the West, p. 57.

в верхах, дабы не возбуждать в Кремле лишних подозрений по поводу англо-американского “сговора”. Премьер нехотя согласился, сомневаясь в успехе околных действий: “Время на его (Сталина. – *В.П.*) стороне, если он будет окапываться, пока наша сила тает”. Однако поскольку союзных послов, А. Гарримана и А. Керра, в Москве тогда не было, посольский вариант пришлось отставить. В послании Трумэну от 15 мая Черчилль предложил взять инициативу на себя (“Я, пожалуй, рискну нарваться на грубость Сталина и пошлю ему телеграмму с призывом о трехсторонней встрече”)⁶¹, но медлил с осуществлением этого демарша.

Тем временем советники самого Трумэна – А. Гарриман, соратник Рузвельта Г. Гопкинс, бывший посол в СССР Дж. Дэвис – также подталкивали его к новой встрече “Большой тройки”. Особую активность проявлял Дэвис, встревоженный ухудшением межсоюзных отношений и начавший закулисную кампанию против сторонников жёсткой линии в борьбе “за душу Трумэна”. Он также взял на себя роль конфиденциального посредника между Белым домом и советской стороной. 2 мая Дэвис направил доверительное письмо Молотову, в котором говорилось о необходимости личной встречи Трумэна и Сталина. Нарком в ответ согласился с принципиальной важностью “личного контакта глав наших правительств”, но не стал ангажироваться, видимо, выжидая более конкретного и авторитетного предложения⁶². 13 мая Дэвис имел обстоятельную беседу с президентом, убеждая того в необходимости поиска компромисса в прямых переговорах со Сталиным⁶³. 15 мая на совещании у президента Гарриман и Болен также выдвинули идею встречи на высшем уровне. Трумэн согласился, но предложил дожидаться ответа Сталина на обещанный запрос Черчилля. В качестве возможного места встречи президент упомянул было Аляску, но его советники вежливо отговорили его от этой идеи, предлагая взамен Германию или Австрию. Они мотивировали это тем, что Сталин не согласится ехать туда, где у него не будет надежной оперативной связи с Москвой⁶⁴. 16 мая на пресс-конференции президент впервые публично заявил о возможности встречи трех лидеров.

Однако Трумэн не стал дожидаться у моря погоды: еще 13 мая на встрече с Дэвисом он одобрил его тайную инициативу прозондировать реакцию Кремля в неофициальном порядке. 14 мая Дэвис обратился с этим предложением напрямую к Сталину, действуя через советское посольство в обход госдепартамента. Этот необычный зондаж, сведения о котором отложились в архиве самого Дэвиса, полностью подтверждается и новыми документами Архива внешней политики. Ссылаясь на последнюю беседу с президентом, бывший посол конкретизировал свое предложение как получившее поддержку Белого дома. При этом речь шла о двусторонней встрече Трумэна со Сталиным “за день – два до официальной встречи [“Большой тройки”], которая, если она будет после этого необходима, может состояться в том же месте согласно плану”, – писал Дэвис Сталину. Зная антисоветский настрой Черчилля, Дэвис, как видно, придавал этой двусторонней встрече решающее значение: “Я смею заверить Вас, – заключал он свое послание Сталину, – что если бы Вы и он (Трумэн. – *В.П.*) смогли иметь откровенную, личную, душевную беседу, многие из вопросов, угрожающих привести к недоразумениям, могли бы быть разрешены”. Предложение Дэвиса нашло положительный отклик в Москве: 20 мая Молотов (также через посольство СССР в США) сообщил ему о согласии Сталина, предложившего провести такую встречу “в районе Берлина”⁶⁵. Так в переписке впервые появился намек на Потсдам.

⁶¹ Ibid., p. 57, 68–69, 76–77, 81.

⁶² Советско-американские отношения. 1939–1945 гг., с. 671–672, 687–688.

⁶³ *Miscamble W.* From Roosevelt to Truman. Potsdam, Hiroshima, and the Cold War. Cambridge, 2008, p. 141–142.

⁶⁴ Foreign Relations of the United States (далее – FRUS), 1945, The Conference of Berlin (the Potsdam Conference), v. 1/ Washington, 1960, p. 12–15.

⁶⁵ Из Вашингтона, 15 мая 1945 г. – АВП РФ, ф. 059а, п. 46, д. 270, л. 213–215; Вашингтон, совпослу, 20 мая 1945 г. – Там же, л. 53; Davies to Stalin, May 14, 1945. – Library of Congress, Manuscript Division, J. Davies Papers, Box 17; Molotov to Davies, May 20, 1945. – Ibid., Box 16.

В те же дни Трумэн по совету Гарримана и Ч. Болен решает послать в Москву Гопкинса. Это решение было тесно увязано с планами встречи в верхах, поскольку президент рассчитывал, что уважаемый в советской столице Гопкинс в личном общении со Сталиным сможет найти приемлемые решения по Польше и некоторым другим наболевшим вопросам, облегчив тем самым его задачу на будущей встрече. Президент надеялся, записал в дневнике Государственный секретарь Э. Стеттиниус, “что миссия Гопкинса снимет многие вопросы и что ко времени встречи Большой Тройки от большей части наших бед удастся избавиться”⁶⁶. В крайнем случае, Трумэн был согласен и на видимость компромисса, что видно из его дневниковой записи о наказе, данном Гопкинсу накануне его отъезда из Вашингтона:

«Ясно сказать дяде Джо Сталину, что я знаю, чего хочу, и намерен этого добиться – всеобщего мира не менее чем на 90 лет. Что Польша, Румыния, Болгария, Чехословакия, Австрия, Югославия, Латвия, Литва, Эстония и т.д. имеют значение для интересов США только в смысле поддержания мира. Что Польша должна иметь “свободные выборы”, по крайней мере – настолько свободные, насколько Хэйг, Том Пендергаст, Джо Мартин или Тафт (коррупцированные партийные боссы в городах США. – *В.П.*) позволили бы в своих владениях. Что Тито надо приструнить в Триесте и Пуле, а дядя Джо должен сделать какой-нибудь жест перед нашей общественностью – пусть хотя бы на словах – по поводу того, что он сдержит свое обещание. Любой толковый политический босс сделал бы это»⁶⁷.

Хотя послание Трумэна Сталину с предложением о миссии Гопкинса было отправлено 19 мая, т.е. еще до получения сообщения Молотова Дэвисом, в нем уже содержался намек на вероятность такой встречи и подчеркивалась важность личных контактов в решении политических вопросов. Сталин с явным удовлетворением откликнулся на это предложение, усмотрев в нем подтверждение серьезности намерений Белого дома.

Во время своей первой беседы в Кремле 26 мая Гопкинс по поручению президента сообщил о готовности Трумэна провести встречу со Сталиным “для обсуждения вопросов, вытекающих из победы над Германией”. Сталин сказал, что он уже сообщил президенту о своей согласии на такую встречу (имея в виду сообщение, переданное Молотовым через Дэвиса 20 мая). Гопкинс ответил, что он не в курсе этой переписки и получил соответствующее разъяснение от Молотова⁶⁸. Ко времени визита Гопкинса этот вопрос, как отмечалось выше, был уже предварительно обговорен во всех трех столицах, однако Сталин в послании Черчиллю на следующий день предпочел представить эту идею как инициативу Трумэна: “Приехавший в Москву г-н Гопкинс поставил от имени Президента вопрос о встрече трех в ближайшее время. Я думаю, что встреча необходима и что удобнее всего было бы устроить эту встречу в окрестностях Берлина. Это было бы, пожалуй, правильно и политически. Есть ли у Вас возражения?”⁶⁹ Географический выбор Сталина, совпадавший с предложением, которое передал Молотов через Дэвиса, оказался, разумеется, не случайным. Берлин с его окрестностями не только являлся символом поверженного третьего рейха, но и находился в зоне советской оккупации. Сталин не стал писать о результатах беседы Трумэну, зная, что Гопкинс непременно уведомит президента о его согласии.

Британский премьер с удовольствием откликнулся на послание Сталина, избавлявшее его от необходимости самому обращаться к “дядюшке Джо” с просьбой о встрече, и предложил провести ее как можно скорее, желательно – в середине июня. Последняя фраза (“Я очень хочу поскорее встретиться с Вами”) была вставлена в подготовленный помощниками текст от руки самим Черчиллем перед его отправкой на зашифровку⁷⁰.

⁶⁶ The Diaries of Edward R. Stettinius, Jr., 1943–1946. New York, 1975, p. 378.

⁶⁷ Memo, May 23, 1945. – HSTL, President Secretary’s File, Box 281 (Truman Longhand Notes).

⁶⁸ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы, т. 2. М., 1983, с. 401–403; FRUS, The Conference of Berlin, v. I, p. 28–31.

⁶⁹ Переписка..., т. 1, с. 366.

⁷⁰ Prime Minister to Premier Stalin, 29.V.45. – TNA, FO 954/2.

После третьей встречи со Сталиным, состоявшейся 28 мая, Гопкинс напомнил Трумэну о предложении Сталина провести встречу в окрестностях Берлина и попросил его подтвердить примерную дату начала работы конференции – около 15 июля. В тот же день президент телеграфировал Гопкинсу о своем согласии по обоим пунктам⁷¹, а 30 мая – во время своей следующей встречи в Кремле – Гопкинс сообщил об этом Сталину. Тот ответил, что эта дата его устраивает, поскольку он сможет приехать в любое время вскоре после проведения Парада Победы 24 июня. Выбор даты президентом диктовался не только внутривластными соображениями, как это объяснял сам Трумэн, но и графиком первого испытания атомного устройства, намеченного на середину июля (о чем по секрету Трумэн поведал Дж. Дэвису 21 мая)⁷². Трумэн хотел приехать в Потсдам, имея на руках новый крупный козырь.

Когда в Лондоне получили послание Сталина Черчиллю от 30 мая с сообщением о предлагаемой дате начала встречи, там усомнились в точности этой датировки, предусматривавшей перенос встречи на месяц позже, чем того хотел Черчилль. Советскому посольству пришлось по просьбе англичан запросить Москву для проверки указанной в послании даты. В ответ пришло сердитое указание Молотова: «Подтвердите Черчиллю через секретариат Идена, что в послании тов. Сталина от 30 мая речь идет о дате “15 июля”, повторяю “15 июля”. Послание тов. Сталина отпечатано и зашифровано правильно»⁷³. 1 июня подтверждение этой даты пришло в Лондон и от Трумэна. Черчилль был обижен вдвойне – и самой отсрочкой, и тем, что она была согласована американцами и русскими в обход англичан. Дополнительно испортил настроение премьеру и его гость Дж. Дэвис, направленный Трумэном с дипломатической миссией к Черчиллю. Главную задачу своей миссии Дэвис видел в том, “чтобы способствовать достижению целей, изложенных в моей телеграмме маршалу Сталину”, как он доверительно сообщал Молотову через советское посольство накануне своего отлета в Лондон⁷⁴. И действительно, американский эмиссар от имени Белого дома предложил премьеру свою любимую идею – провести ознакомительную встречу президента и Сталина перед началом конференции “Большой тройки”. Черчилль, докладывая Дэвису Трумэну, был “удивлен и уязвлен” тем, что его предлагают “исключить” из первой встречи со Сталиным⁷⁵. Позднее в мемуарах, написанных в разгар “холодной войны”, Трумэн отмежевался от идеи отдельной встречи с советским лидером, хотя там же признавал, что Дэвис “точно сепаратной мою позицию и политику Соединенных Штатов, выполнив полученные инструкции с исключительным искусством”⁷⁶. Сам Черчилль вспоминал, что предложение Дэвиса его “прямо-таки поразило” и что по окончании беседы он передал американцу свои письменные замечания, в которых, в частности, говорилось: “Представители правительства Его Величества не смогут присутствовать ни на каком совещании иначе как в качестве равноправных партнеров с самого его начала”⁷⁷. Судя по сохранившимся документам, Дэвис не передал эти замечания президенту и даже не упоминает их в своем дневнике, но сам премьер холодно сообщил Трумэну 31 мая, что “не готов участвовать во встрече, которая будет продолжением Вашей встречи с маршалом Сталиным”⁷⁸. Всё это объясняет его раздосадованный и растерянный тон послания обоим его корреспондентам от 1 июня, которое завершалось словами: “Я предложил 15 июня, повторяю – июня, месяц, идущий перед июлем, но если это невозможно, почему не 1 июля, 2 июля или 3 июля?”⁷⁹

⁷¹ FRUS, The Conference of Berlin, v. I, p. 86–87.

⁷² Journal, May 21, 1945. – Library of Congress, Manuscript Division, J. Davies Papers, Box 17.

⁷³ Лондон, Гусеву. 1.VI.1945. – РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 274, л. 72.

⁷⁴ Из Вашингтона, 22 мая 1945 г. – АВП РФ, ф. 059а, п. 46, д. 271, л. 4.

⁷⁵ FRUS, The Conference of Berlin, v. I, p. 68.

⁷⁶ Memoirs by Harry S. Truman, v. 1, p. 260–261.

⁷⁷ Churchill W. Op. cit., v. VI, p. 503.

⁷⁸ FRUS, The Conference of Berlin, v. I, p. 64–65; Defending the West, p. 93.

⁷⁹ Переписка..., т. 1, с. 368.

Даже после получения сообщений от Сталина и Трумэна относительно 15 июля Черчилль не сразу смирился с этой отсрочкой и продолжал отговаривать от нее Трумэна. «Я уверен, что Вы понимаете, почему я так стремлюсь к более ранней дате, скажем, 3 или 4 июля, – телеграфировал он президенту 4 июня. – У меня вызывает большие опасения отход американских армий к нашей линии оккупации в центральном секторе, что приведет к проникновению советских сил в сердце Западной Европы и появлению железного занавеса между нами и всеми теми, кто находится к востоку от него. Я надеялся на то, что этот отход будет сопровождаться урегулированием многих вопросов, которое станет подлинным фундаментом мира... Я всё еще надеюсь на приближение этой даты, но если это невозможно, буду готов согласиться на 15 июля». Однако Трумэн был непреклонен, хотя и согласился не устраивать упреждающей встречи со Сталиным. «Проанализировав ситуацию, я нашел, что 15 июля – это самая ранняя дата, когда я смогу приехать», – невозмутимо отвечал он премьеру 6 июня⁸⁰. Сталин, в свою очередь, также подтвердил Черчиллю свое согласие с предложением Трумэна. Англичанину не оставалось ничего иного, как принять эту дату. 6 июня он телеграфировал Сталину: «Я сообщил Президенту Трумэну, что я согласен с датой, о которой Вы и он договорились, а именно с 15 июля»⁸¹.

После согласования сроков встречи началась ее практическая подготовка. Одним из организационных аспектов был вопрос о размещении союзных делегаций, имевший и политическое значение. Берлин и его окрестности находились в советском секторе, но западные союзники не хотели зависеть от сталинского гостеприимства. 9 июня премьер писал Трумэну: «Я не могу согласиться с ялтинским принципом, что мы поедем в Берлин, подлежащий трехстороннему (а с участием Франции – четырехстороннему) управлению на равных правах, просто как гости советского правительства и его армии. Нам следует обеспечить себя всем необходимым и быть в состоянии разговаривать на равных»⁸². Трумэн поддержал предложение Черчилля, но требовалось получить на это и согласие Сталина. 17 июня премьер направил ему послание с предложением выделить отдельные территории для всех трех делегаций, которые сами должны были обеспечивать себя всем необходимым, включая охрану. Сталин согласился с этим предложением, тем более что в любом случае за ним сохранялась роль хозяина.

В ходе подготовки встречи Черчилль поддержал идею британского монарха Георга VI о его визите в Германию в период работы Потсдамской конференции. Британский кабинет также одобрил эту идею как сулившую «большие преимущества»⁸³. Предварительная программа королевского визита предусматривала инспектирование британских войск, вручение британских наград советским и американским командующим, а также ужин в честь глав союзных государств от имени короля. По решению кабинета Черчилль запросил мнение союзников на сей счет, попутно предложив Трумэну и Сталину дать ответный завтрак в честь монарха в своих штаб-квартирах. «Я надеюсь, – писал он Сталину, – что этот визит мог бы быть демонстрацией доброй воли и праздничным событием»⁸⁴. Трумэн сразу же охотно согласился по обоим пунктам, но Сталин не спешил с ответом.

Несмотря на молчание Кремля, Черчилль продолжал подготовку монаршего визита в Германию. Вскоре Георг VI выбрал сокращенный вариант своего пребывания, о чем премьер сообщил Сталину в своем напоминающем послании от 22 июня. Речь шла о том, что король просто устроит завтрак для Сталина и Трумэна в Берлине, а затем отбудет для продолжения своей инспекционной поездки.

Второе послание Черчилля о королевском визите уже нельзя было оставить без ответа. В первоначальном проекте ответа, подготовленного Вышинским, говорилось:

⁸⁰ *Defending the West*, p. 105, 111.

⁸¹ *Переписка...*, т. 1, с. 369.

⁸² *Defending the West*, p. 117.

⁸³ С.М. (45) 8th Conclusions, Minute 1, Confidential Annex (15th June). – TNA, CAB 65/54/8.

⁸⁴ *Переписка...*, т. 1, с. 372.

“Я благодарен королю и Вам за приглашение на завтрак и, со своей стороны, буду рад видеть Короля и Вас своими гостями в советской ставке”. Молотов не стал брать на себя ответственность за итоговый вариант и препроводил этот проект “Хозяину” со следующей припиской: “По-моему, не подходит. Черчилль хочет иметь слишком легкий заработок для монарха и себя”⁸⁵. Судя по всему, в Кремле восприняли этот визит как рекламную затею Черчилля с целью набрать очки в предвыборной борьбе, развернувшейся тогда в Великобритании. Сталин, видимо, разделял отношение своего соавтора по переписке и не хотел делать такой подарок премьеру, тем более что в этот период он испытывал особую неприязнь к Черчиллю в связи с его антисоветским “обострением”. Советская разведка и дипломатия хорошо информировали вождя о кознях премьера, включая, по всей видимости, и “заказанную” им операцию “Немыслимое” – тайную проработку имперским генеральным штабом плана войны с СССР, показавшую немыслимость подобных проектов⁸⁶. К тому же Сталина вряд ли привлекала и обстановка королевского приема с его придворным ритуалом, в котором главная роль по традиции отводилась бы самому монарху, а Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами СССР мог оказаться на втором плане и почувствовать себя не в своей тарелке. Но прямо отказываться от королевского приглашения было бы слишком недипломатично. Будет лучше, если сами англичане возьмут свое приглашение назад. В итоге Черчиллю был направлен следующий текст: “Ваше послание от 22 июня относительно посещения Берлина Королем, как и предыдущее послание по этому вопросу, получил. В моем плане не предусматривалась встреча с Королем, а имелось в виду совещание трех, о котором мы ранее обменивались с Вами и Президентом посланиями. Однако если Вы считаете нужным, чтобы я имел такую встречу, то я не имею возражений против Вашего плана”⁸⁷.

Зная особую щепетильность англичан в протокольных вопросах, касающихся королевских особ, нетрудно было предвидеть их реакцию на этот прозрачный намек. О том, как в Лондоне отнеслись к этому ответу из Москвы, свидетельствует дневниковая запись личного секретаря Георга VI сэра Алана Ласелла от 25 июня: «Сталин согласился сквозь зубы, сказав, что он собирался в Берлин для встречи с Трумэнном и Уинстоном и не предполагал встречаться с Королем; но если Уинстон считает этот план важным, то он готов ему последовать. Уинстон (отправившийся в предвыборную поездку) сказал, что посоветует Королю повременить с ответом, а потом сообщить Сталину, что программа визита Короля не предусматривает посещения Берлина. Тем временем я приватно запросил мнение Монти (фельдмаршала Б. Монтгомери, главнокомандующего британскими войсками в Германии. – *В.П.*), и вот что он ответил мне сегодня: он целиком поддерживает визит Короля в британскую зону, но “что касается посещения русской зоны, то я не считаю это хорошей идеей. Думаю, что это было бы неразумно. Русские – странный народ и их порядки очень непохожи на наши; легко может возникнуть какая-нибудь неловкая ситуация. Мой совет – Королю НЕ следует туда ехать”. Я с этим полностью согласен». 30 июня Ласелл добавил следующую запись: “После вчерашнего обсуждения с Уинстоном, король решил вообще не ехать в Германию, а вместо этого отправиться в Северную Ирландию, где уже со времени Дня Победы жаждают монаршего визита”⁸⁸.

1 июля Черчилль послал Сталину крайне учтивое послание с извещением о том, что ввиду соображений безопасности король отменил поездку в Берлин и вместо этого отправится в Ольстер. Благодаря Сталина “за весьма любезную телеграмму” и принося

⁸⁵ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 275, л. 31.

⁸⁶ Подробнее см. *Ржевский О.А.* Секретные военные планы У. Черчилля в мае 1945 г. – Новая и новейшая история, 1999, № 3, с. 98–123.

⁸⁷ Переписка..., т. 1, с. 376.

⁸⁸ King's Counselor. Abdication and War: The Diaries of Sir Alan Lascelles. London, 2007, p. 336. Я благодарен профессору Кембриджского университета Д. Рейнольдсу, обратившему мое внимание на этот источник.

извинения за свое повторное обращение к нему по данному вопросу, Черчилль словно показывал неотесанному “кремлевскому горцу” образец хорошего тона в отношениях между государственными деятелями. Историческая встреча главы дома Виндзоров с крестьянским сыном из Гори, ставшим единоличным хозяином огромной страны, так и не состоялась.

Поначалу в НКВД хотели было ответить на это послание Черчилля. Вышинский подготовил одобренный Молотовым проект о “принятии к сведению” сообщения премьера. Но Сталин решил не посылать даже такого скупого подтверждения, что лишний раз говорило о его отношении ко всей этой затее. Итоговая резолюция Молотова на проекте ответного послания гласила: “Не надо”⁸⁹.

Перипетии дипломатической борьбы мая–июня 1945 г. наглядно показывают, что с исчезновением общего врага, сплотивавшего антигитлеровскую коалицию, и резким ослаблением зависимости западных держав от СССР союз “Большой тройки” начал быстро распадаться. Неудивительно, что общая атмосфера на состоявшейся вскоре Потсдамской конференции заметно отличалась от Ялтинской – на ней, по свидетельству ее участника А.А. Громыко, “не хватало теплоты, которой требовала обстановка исторического момента, теплоты, которой ожидали и воины союзных армий, и народы всей земли, теплоты, на которую рассчитывала и память о погибших в той войне. Ведь фашизм стремился к тому, чтобы поверженный мир, распластавшись, лежал у его ног. Но получилось наоборот: люди раздавили фашистского зверя. Распластался он. Победители встретились, однако...”⁹⁰

⁸⁹ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 275, л. 45.

⁹⁰ Громыко А.А. Памятное, кн. 1. М., 1990, с. 269.